

На узкой одноместной кровати для отдыха переплетались силуэты двух людей, а тесная тёмная комната была наполнена атмосферой изнеможения и разврата.

Поначалу Чу Янь ещё отчаянно сопротивлялся, молотил Сун Сыяня кулаками и пинался, но Сун Сыянь словно вообще не чувствовал боли.

Доведённый до предела, Чу Янь снова со всей силы впился зубами в левое плечо Сун Сыяня.

Кусал он так яростно, словно хотел вырвать кусок кожи и плоти.

Но, снова почувствовав вкус крови Сун Сыяня, похожей на жасминовый чай, Чу Янь почему-то успокоился, и наконец разжал зубы.

Позже Чу Янь и вовсе перестал сопротивляться. Просто лежал, не двигаясь, и позволял Сун Сыяню делать с ним что угодно.

Всё равно сопротивляться было бессмысленно — только силы зря тратить. Он и без того чувствовал себя так, будто всё тело вот-вот развалится на части. Откуда ещё брать силы на сопротивление?

Ладно, устал. Пусть всё катится к чёрту.

Неизвестно, сколько времени прошло — Чу Яню оно показалось почти целым веком.

Наконец человек сверху остановился.

То ли из-за побочного действия препарата, то ли от полного истощения сил, но, отстранившись от Чу Яня, Сун Сыянь тут же провалился в сон.

Похоже, наш университетский красавчик тоже не так уж хорош.

Если не убегать сейчас, то когда?

Чу Янь вовсе не хотел дожидаться, пока Сун Сыянь проснётся, сообразит, что спал с мужчиной, а потом в приступе ярости прикончит его.

Даже если Сун Сыянь не станет его убивать, он ведь всё равно не сможет потом сидеть напротив него и сухо поздороваться:

«Привет. Это я, тот парень, которого ты одолел и прижал к себе».

Да?

Слишком уж позорно! Особенно для такого гетеросексуального парня, как Чу Янь.

К тому же Сун Сыянь всё равно не знает, кто он. Значит, можно просто считать, что сегодняшнего происшествия не было.

Такое постыдное воспоминание лучше вообще навсегда стереть из памяти.

Если когда-нибудь встретит Сун Сыяня, он обязательно будет обходить его стороной.

А что касается тех двух, которые накачали его наркотой и притащили сюда, пусть только попробуют ему попасться!

Если узнает, кто они, обязательно заставит их на собственной шкуре почувствовать, каково это — получить по заднице бейсбольной битой!

В темноте Чу Янь на ощупь нашёл у изголовья белую рубашку и натянул её, после чего быстро влез в свои штаны.

Перед уходом он посмотрел на лежавшего без сознания Сун Сыяня, а затем подошёл и, словно желая выплеснуть раздражение, ещё пару раз укусил его за крепкую мускулистую руку.

Тоже мне, нечего было без причины столько мышц накачивать!

После этого Чу Янь прикрыл ладонью ноющую задницу и, прихрамывая, открыл дверь.

Только выйдя наружу, он обнаружил, что находится в тёмной комнате на третьем этаже факультета фотографии.

Вот же надо! Главный заговорщик оказался таким идиотом. Разве это не всё равно что самому во всём признаться?

Чу Янь поднял голову и запомнил номер тёмной комнаты: 10.

Как только он выяснит, кто в это время записывался на её использование, пусть только попробуют — он собственноручно пинками отправит этих двух собачьих ублюдков в искусственное озеро университета.

Выйдя из учебного корпуса факультета фотографии, Чу Янь направился в своё общежитие.

Теперь он мог точно утверждать: та дрянь, которую эти два идиота ему вкололи, наверняка была каким-то просроченным поддельным препаратом.

Говорили, что он будет действовать очень мощно? Да ни хрена подобного! Более того, похоже, действие препарата только сейчас начало проявляться.

В висках у него пульсировала тупая боль, ощущение холода постепенно отступало, а кровь в сосудах словно вдруг закипела, заставляя сердце бешено колотиться, будто оно уже работало на пределе возможностей.

Чу Янь, преодолевая ужасное самочувствие, добрался до общежития. Открыв дверь, он тут же рухнул на свою кровать и потерял сознание.

—

Оставшийся в тёмной комнате один Сун Сыянь пришёл в себя спустя больше получаса.

Он огляделся в полумраке. Человека, который только что был здесь, уже и след простыл.

Похоже, тот бросил его и сбежал один.

Терпя ломоту во всём теле, Сун Сыянь протянул руку и нащупал одежду у изножья кровати.

Обнаружив, что его рубашка тоже исчезла и остались только штаны, Сун Сыянь нахмурился и натянул их.

Пусть оба оказались в этой ситуации против своей воли, но этот человек после всего просто сбежал — ладно. Но зачем ещё и его одежду уносить? Неужели хотел оставить его бегать голышом?

Сун Сыянь спустился с кровати, включил свет и оглядел комнату, только теперь ясно поняв, где находится.

Его взгляд случайно упал на лежавшую на полу возле одноместной кровати изорванную в клочья футболку.

Мимолётное раздражение тут же исчезло.

Неудивительно, что тот унёс его рубашку. В таком виде футболку действительно невозможно было надеть и выйти в ней на люди.

Сун Сыянь покачал головой.

Всё произошедшее было вызвано действием препарата, и он совершенно не помнил, насколько грубым был в тот момент.

Помнил только, что вначале тот человек без конца бил и ругал его — явно не по своей воле. Вероятно, он, как и Сун Сыянь, тоже был жертвой.

Но потом тот, кажется, уже не возражал и просто лёг, не двигаясь.

Сун Сыянь коснулся уголка губ, затем опустил взгляд на кроваво-красный след от зубов на плече и слегка нахмурился.

Кусается он действительно жестоко. Похоже, на плече останется шрам.

Отведя взгляд, Сун Сыянь краем глаза заметил ещё несколько бледно-красных следов от зубов на своей руке.

Этот человек что, собака?

Почему ему так нравится кусаться?

Ладно. Всё это произошло против воли обоих, причём очевидно, что тот человек пострадал сильнее.

Когда найдёт его, надо будет извиниться — извиниться. Нужно будет компенсировать ущерб — компенсировать. Только вот всё произошедшее необходимо с ним чётко обсудить, а лучше всего, чтобы после этого случая они больше никак друг с другом не пересекались.

Сун Сыянь немного поискал в тёмной комнате и обнаружил на спинке стула чью-то куртку.

Ему было не до выяснения, кто из студентов забыл её здесь, поэтому он просто надел куртку.

Затем он ещё раз тщательно обыскал все углы комнаты.

После того как главный виновник накачал его наркотой и запер здесь, он ещё и «заботливо» прислал ему человека.

Очевидно, его целью было не просто заставить Сун Сыяня переспать с мужчиной.

Вполне возможно, что в комнате тайно установили камеры или что-нибудь в этом роде, чтобы испортить его репутацию.

Жаль только, что, сколько бы Сун Сыянь ни искал, ничего обнаружить не удалось. Пришлось пока оставить эту затею.

Выйдя из тёмной комнаты, Сун Сыянь отправился к администраторше этажа и проверил сегодняшние записи о бронировании.

Узнав, кто всё это устроил, он решил завтра найти этих двоих и свести с ними счёты.

Повернувшись, чтобы спуститься вниз, он заметил камеру наблюдения в коридоре.

Похоже, найти второго пострадавшего тоже будет очень легко.

—

Чу Янь проспал до вечера, пока не проснулся от голода.

Это было какое-то неопишное чувство голода, словно что-то выскребало стенки желудка изнутри, и ему казалось, будто он уже несколько сотен лет не ел мяса.

До его ушей донёсся звук, с которым сосед по комнате шумно втягивал лапшу. Звук был невероятно отчётливым, даже немного резким.

Ему показалось?

После сна слух тоже стал лучше?

Чу Янь высунул голову из-за кровати и посмотрел вниз. Его сосед по комнате Ван Цзе с аппетитом ел суп с рисовой лапшой и утиной кровью, который принёс из столовой.

Чу Янь уставился на кусочки утиной крови, плававшие на поверхности супа, и сглотнул слюну.

Вдруг ему ужасно захотелось утиной крови.

Раньше он никогда не любил подобные продукты из крови. Что с ним теперь происходит?

Это последствия того поддельного препарата?

Подумав немного, Чу Янь написал сообщение в общий чат общежития и спросил двух ещё не вернувшихся соседей, не сможет ли кто-нибудь принести ему порцию супа с утиной кровью и лапшой.

Ван Цзе внизу услышал вибрацию телефона, взял его, мельком посмотрел на сообщение в чате, а затем поднял голову и посмотрел на Чу Яня.

— О, младший братишка проснулся! Ты только что так крепко спал! Я тебя несколько раз звал, а ты вообще никак не реагировал. Я уже чуть не подумал, что ты помер.

— Чем ты таким занимался, что вымотался до такого состояния? И чего лицо у тебя такое бледное? Прямо как после чрезмерных утех.

Очевидно, Ван Цзе просто шутил.

Но шутящий не ведал, а слушающий-то всё знал!

Чу Яню стало ужасно неловко. Стоило ему вспомнить события днём, как задница снова начала слегка побаливать.

С-с... Наверное, всё-таки разодрал. Этот ублюдок Сун Сыянь, мать его, как отбойный молоток — слишком грубый.

— Эхе-хе, а ты угадал, толстяк Ван! Я утром девчонок клеил. Ну что, завидуешь? Ты же у нас вечный девственник.

Чу Янь перевернулся и снова лёг на живот.

Неловкость неловкостью, но она совершенно не мешала ему болтать с Ван Цзе.

— Пф. С твоей-то белой, нежной и хилой рожей какая девушка вообще на тебя позарится?

— Иди ты! За мной толпа девчонок бежит. По-моему, это ты слепой. Ешь свою лапшу!

Чу Янь сбросил вниз свой вонючий носок, угодивший Ван Цзе прямо в спину, и больше не обращал на него внимания.

Вскоре ещё два соседа по комнате ответили в чате.

Ли Шухэн: [Я в столовой. Назовёшь меня папочкой — принесу.]

Чу Янь: □Ой, сынок, не забудь побольше утиной крови. Папочка тебя любит.□

Ли Шухэн: □/средний палец. Подожди, пока папа вернётся — научу тебя жизни.□

Цзян Бай: □Я в библиотеке. Вернусь только после закрытия.□

Из четырёх жильцов общежития Цзян Бай относился к типу зубрил: когда не было занятий, большую часть времени он проводил в библиотеке.

Ван Цзе любил сидеть в общежитии и играть в игры. Навыков мало, а азарт огромный, поэтому вся его мощь заключалась в болтовне.

А Ли Шухэн был человеком, который умел наслаждаться жизнью. Девушки у него менялись почти раз в полмесяца, к тому же семья у него была обеспеченная. После каждого расставания всё проходило чинно и мирно, и ни одна бывшая никогда не приходила устраивать ему неприятности.

Чу Янь им очень восхищался, но не завидовал.

Что касается самого Чу Яня, то намёков и прямых знаков внимания от девушек он получал не меньше, чем Ли Шухэн, но до сих пор ни с кем не встречался.

Не спрашивайте. Если спрашиваете, ответ один: просто ещё не встретил ту, которая действительно понравилась бы.

С-с... Задница снова заболела.

Прощай, его безупречная репутация!

Вскоре Ли Шухэн вернулся с супом с утиной кровью и лапшой.

Чу Янь радостно спустился с кровати, открыл контейнер, достал одноразовые палочки, подцепил кусочек утиной крови и отправил его в рот.

После пары жевков он разочарованно нахмурился.

Почему на вкус так мерзко?

Совсем не так, как он представлял.

Это что, всё «технологии и жёсткая химия» намешали?

С трудом съев ещё пару кусочков, Чу Янь окончательно потерял аппетит. Он попробовал втянуть несколько лапшинок, но вкус оказался каким-то странным, ещё более безвкусным.

— Эй, толстяк Ван, почему этот суп с лапшой такой невкусный? Как ты вообще его есть можешь?

Чу Янь не удержался и похлопал Ван Цзе, который рядом играл в игру на телефоне.

Ван Цзе решил, что тот специально шутит, и закатил глаза:

— Ой, великий молодой господин не привык к нашей еде простолюдинов? Вот ведь тяжело великому молодому господину приходится.

Закончив, он раздражённо включил микрофон в игре и принялся орать на напарников:

— Стрелок, ты больной, что ли? Ты, мать твою, лес у меня не отбирай...

— Да пошла ты, убогая игра! Что за идиотская система подбора? Всё время мне каких-то дебилов в команду подсовывает!

Чу Янь пожал плечами и через силу съел ещё несколько кусочков. Странно, но его желудок вдруг словно стал очень маленьким. Всего несколько укусов — а уже казалось, что живот полностью набит и ещё немного — и его вырвет.

Ничего не оставалось, кроме как отложить палочки.

Он помнил, что лапша ведь не должна быть настолько невкусной. Что вообще происходит?

<http://bllate.org/book/19914/2086895>